

ИЗУЧЕНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАБОЧИХ Г. МИНСКА В 1970–80-е гг.

А. Н. Глазко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4,, 220030, Минск, Республика Беларусь
anastasiajessen@gmail.com*

Исследования городских похоронных и поминальных обрядов на территории БССР начали проводиться только во второй половине XX в. До 70-х гг. описания гражданских похорон и семейных поминальных дней практически отсутствовали. В 70-е гг. описания городской похоронно-поминальной обрядности впервые выносятся в отдельные главы монографий. Этнографические исследования указанного периода позволяют отследить малую распространенность гражданских или нерелигиозных церемоний похорон среди городского населения БССР. В работах 80-х гг. встречается критика современной похоронной символики и оценка отдельных элементов традиционных похорон и поминок, сохранившихся в городе, рассматривается проблема недостаточного контроля обрядов со стороны государства. Параллельно с этим на территории БССР происходит расширение сферы коммунально-ритуальных услуг, что также становится объектом изучения белорусских этнологов.

Ключевые слова: Похоронно-поминальная обрядность; новая обрядность; быт рабочих; антропология города.

THE STUDY OF FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF WORKERS OF MINSK IN 70-80S

A. N. Hlazko

*Belarusian State University
Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, the Republic of Belarus
anastasiajessen@gmail.com*

Studies of urban funeral and memorial rites on the territory of the BSSR were carried out in the second half of the twentieth century. Until the 70s descriptions of civil funerals and family memorial days were virtually absent. In the 70s descriptions of urban funeral and memorial rituals were included in separate chapters of monographs. Ethnographic studies of this period make it possible to trace the low prevalence of civil or non-religious funeral ceremonies among the urban population of the BSSR. In the works of the 80s criticism of modern funeral symbols and an assessment of individual elements of traditional funerals and commemorations preserved in the city is encountered, the problem of insufficient control of ceremonies by the state is considered. In parallel with this, the sphere of communal and ritual services is expanding on the territory of the BSSR, which also becomes an object of study by Belarusian ethnologists.

Key words: Funeral and memorial rites; civil ceremonial rites; workers' mode of life; urban anthropology.

Исследования новой обрядности городского населения БССР проводились с момента ее появления в 20–30-е гг. XX в. [1–3]. При этом

изучение и описание похоронно-поминальных практик началось лишь в позднесоветское время.

В 70-е гг. в БССР состоялось несколько общереспубликанских, областных и районных конференций, на которых выступали исследователи новых обрядов [4, с. 4]. Феномены гражданских похорон и семейных поминальных дней становились объектом изучения намного реже, чем родинные обряды и свадьбы. Белорусский этнограф А. А. Мелешко отмечал почти полное отсутствие описаний похоронного обряда, который ранее был обычным предметом исследования у этнографов: П. В. Шейна, Е. Р. Романова, М. В. Довнар-Запольского [5, с. 21].

Описания советских обрядов и праздников в послевоенные годы зачастую были недостаточно подробны. Особенно это касается похоронного обряда – в большинстве работ 60-х гг. он не упоминался или же был описан в нескольких абзацах. Диссертационные работы по данной проблематике отсутствовали, но похоронно-поминальная обрядность могла упоминаться в диссертациях по городскому быту или гражданской обрядности рабочих города Минска [6, с. 17], [7].

Первые научные статьи с описанием гражданских похорон городского населения БССР были опубликованы лишь во второй половине 70-х – начале 80-х гг. [8; 9]. Описания похоронных и поминальных обрядов также начали выносить в отдельные главы монографий по новой обрядности.

Описание городских обрядов, связанных со смертью, впервые было вынесено в отдельную главу в книге этнографа Анатолия Мелешко «Савецкая сямейная абраднасць Беларусі» (1976) [10, с. 194]. В главе «Последний путь человека» он проанализировал похоронные традиции человечества и эволюцию отношения к смерти. Гражданские похороны рассматривались как последняя и, соответственно, окончательная ступень в процессе изменения отношения к смерти. Описание похоронных традиций происходило в следующем порядке:

Древние похоронные ритуалы дописьменного общества, которые практиковались для уменьшения страха перед божествами, управляющими природой;

Церковные похороны, которые были разработаны на основе дохристианских обрядов в период появления классового общества. Параллельно с появлением религиозного похоронного церемониала происходит формирование более структурированного представления о смерти и загробном существовании. Появляется церковная похоронная

символика, которая используется для воздействия на сознание прихожан: черные рясы священников, свечи в руках присутствующих, кадило с дымом, запах ладана, икона в руках умершего;

Торжественно-траурная советская похоронная обрядность, для которой не характерен церковный пессимизм, мистицизм и нигилизм. Гражданские похороны являются актом моральной и материальной помощи близким умершего человека, участие в них позволяет проявить уважение и в последний раз поблагодарить человека за его прижизненные заслуги [5, с. 196].

Торжественность — это главный эпитет, используемый в языке описания новых обрядов, в том числе и похоронных: «Но ни в коем случае нельзя допускать, чтобы смерть ослепляла живых; необходимо, чтобы весь церемониал похорон заканчивался символическим величественным и торжественным гимном во имя жизни!» [5, с. 200].

Несмотря на декларируемую этнографами важность гражданских похорон, в 70-е гг. они не были самым распространенным вариантом похоронного обряда.

Для того чтобы узнать мнение горожан по поводу новых обрядов, применялись социологические методы, изучались книги отзывов в новых учреждениях — дворцах и домах брака, расположенных в Минске. Из 800 анкет, которые в 70-е гг. раздавались в новых обрядовых учреждениях, заполнено было 565. Из них пригодными к дальнейшей работе оказалось 512. Анкета состояла из 9 вопросов, на которые совместно отвечали молодые пары. Таким образом, было опрошено более 1000 человек [5, с. 23].

Еще одна анкета была распространена и за пределами Минска. Населенные пункты, в которых проводилось исследование, выбирались как «наиболее типичные» по составу населения и интенсивности становления в быте рабочих семейной обрядности. Вероятно, исключались приграничные регионы, а также населенные пункты Западной Беларуси, в которых церковный обряд проводится чаще, чем в остальных частях БССР [8, с. 79]. Анкета публиковалась в газете «Связист Белоруссии». Из 1300 экземпляров анкеты было заполнено 950. Цель анкетирования — определение отношения к новой обрядности среди населения БССР [5, с. 24].

Вопросы, размещенные в анкете, имели несколько вариантов ответов. Зачастую ответы, подготовленные автором, были недостаточны для определения реального мнения опрашиваемых людей. Например, отвечая

на вопрос «Чем понравились [Вам новые обряды]?», необходимо было выбрать из следующих вариантов: «Своей красотой и торжественностью», «Эмоциональностью и хорошим содержанием ритуала». Аналогично этому под вопросом «Чем не понравились [новые обряды]?» были указаны следующие варианты: «Своей сухостью и серостью», «Формализмом» [5, с. 25].

Анкетирование показало, что только 5-я часть опрошенных – 190 человек из 950 – принимало участие в похоронном обряде без участия священника. 116 из них составляли мужчины, 74 – женщины. В сравнении с остальными пунктами списка – регистрация брака, новоселье, день рождения – «красные похороны» являлись одним из наименее распространенных обрядов [5, с. 25].

В текстах второй половины 80-х гг. все чаще встречается критическая оценка существующей гражданской обрядности. Упоминается использование устаревшей атрибутики и символики, разработанной в 20-е гг. для «красных похорон», но более не актуальной для горожан [11, с. 106].

Недостатком семейной обрядности, в том числе и похорон, считалось то, что она не имеет календарных дат, организуется и налаживается самими горожанами. Это подразумевает определенный процент импровизации и невозможность контролировать то, что происходит на «неофициальной» части обряда – в домашней обстановке за пределами обрядовых учреждений.

Сохранение и относительная распространенность религиозных похорон объяснялась следующими причинами: недостаточный контроль со стороны государства, сохранение большого количества традиционных элементов, устойчивость похоронной обрядности в целом. В соответствии со статистическими данными 1986 г., только 47,2% городских жителей БССР полностью соблюдает церемониал гражданского похоронного обряда. 42,9% городских жителей за последние три года принимали участие в гражданском обряде похорон с сохранением традиционных или религиозных элементов. 9,9% городских жителей проводит традиционный похоронный обряд с полным соблюдением религиозных правил [4, с. 106].

Общественная инициатива иногда рассматривается и как положительный момент. Благодаря общественной вовлеченности, семья умершего человека может получить необходимую эмоциональную поддержку. Совместное переживание горя и выражение сочувствия, участие соседей в процессе похорон и поминок, остановка перед

похоронной процессией, встреченной в городе, считались «неписанными традициями» социалистического образа жизни [8, с. 77; 5, с. 196]. Организацией похорон занимались коллеги и знакомые умершего человека, а не его родственники.

На рабочих предприятиях в случае смерти сотрудника создавались общественные комиссии по похоронам. Похоронные атрибуты и некролог могли подготавливаться рабочим коллективом. У Анатолия Мелешко описан случай смерти водителя автотранспортного предприятия Минска, коллеги которого изготовили ему гроб и временный надгробный знак. Некролог был написан сотрудниками профсоюзной организации, а один из добровольцев занес текст в редакцию вечерней городской газеты. Представители рабочкома, руководство предприятия, домовый комитет собирали средства на погребение. Члены комиссии по похоронам также занимались юридическими вопросами и приобретением остальной похоронной атрибутики, отправляли телеграммы дальним родственникам и друзьям, помогали семье организовать поминальный стол [5, с. 198]. Участвовать в организации похорон могли и соседи: после оповещения о смерти жители подъезда старались соблюдать тишину, у подъезда вывешивался красный флаг с черной лентой.

Помимо системы общественной взаимопомощи, в исследованиях 80-х гг. отмечаются и прочие параллели между городскими и деревенскими похоронно-поминальными обрядами. В городской среде после смерти человека соблюдали некоторые традиционные действия: занавешивали зеркала, тело умершего располагали ногами к выходу, перед закапыванием гроба в могилу бросали три жмени земли, ставили отдельную тарелку и рюмку для умершего, на поминки люди приходили без приглашения [11, с. 252].

Не существовало единого мнения по поводу причитаний. Разнятся мнения о том, присутствовали ли они во время городского похоронного обряда – вероятно, они встречались редко. Женщин, которые начинали спонтанно оплакивать умершего, используя импровизированный текст, аналогичный деревенским причитаниям, не рассматривали как плакальщиц. Это объяснялось тем, что они не являлись специально приглашенными на похороны людьми, получающими за это оплату [5, с. 199]. В других текстах причитания описывались как «живая традиция», существующая в каждом регионе СССР или отдельных местах республики [11, с. 252]. Сами причитания не связывались с церковной традицией отпевания и поэтому характеризовались как нерелигиозный народный

обычай, который скорее можно включать в гражданский похоронный обряд [12, с. 15].

Определенные действия, которые в деревне выполняли соседи или приглашенные из соседних деревень люди, в городской среде делегировались представителям государственных организаций. Например, омовением и переодеванием умершего человека в абсолютном большинстве случаев занимались медицинские работники. В городе похоронные венки преимущественно покупали, а не изготавливали самостоятельно, как в деревнях [5, с. 198].

Проблемы с музыкальным сопровождением во время гражданских похорон встречались повсеместно. Оркестр мог присутствовать во время городской похоронной процессии на похоронах известных людей. Музыка играла при «символическом прощании с городом», а также в момент опускания гроба в могилу [5, с. 201]. Во время городских церемоний прощания при наличии оборудования чаще включали записи траурных маршей и прочую музыку, исполненную духовым оркестром. При вывозе гроба после прощания было принято сигналить. Молчание в момент прощания и погребения могло свидетельствовать как об уважении к умершему, о важности происходящего, так и о растерянности присутствующих людей. Присутствие сотрудников ритуальных услуг было одним из способов избавиться от подобных моментов растерянности и неопределенности.

Со второй половины 80-х гг. описывается процесс расширения сети ритуальных услуг, участие сотрудников похоронных бюро в городской обрядности, исследуются проблемы подготовки работников обрядовых служб и культурно-просветительских учреждений, рассматривается необходимость привлечения молодежи к участию в новых обрядах [13, с. 19]. В 80-е гг. на территории городов БССР массово появляются похоронные бюро. Создание системы похоронных бюро, более доступной для горожан, коррелирует с распространением гражданского похоронного обряда без религиозных элементов. Сотрудники коммунально-ритуальных услуг начали выполнять значительную часть работы по подготовке к похоронам. Весь похоронный реквизит стало возможно заказать в отделах коммунально-бытового обслуживания. Появилась должность организатора похорон, который контролировал все обрядовые действия: следил за их очередностью, давал незаметные указания участникам обряда [11, с. 251].

Сотрудники похоронной службы выдавали напрокат магнитофоны и грампластинки с записями траурной музыки, что позволило решить

вопрос с музыкальным сопровождением похорон [11, с. 250]. В конце 80-х гг. появляются библиографические указатели, содержащие разделы с музыкальными рекомендациями для похоронных и поминальных служб, общественных Дней памяти.

После обряда похорон организовывались поминки. В соответствии с вышеупомянутым опросом 1986 г. 93,6% городских жителей поминает умерших родственников в различные дни после похорон – наиболее часто это 40-й день и год после смерти. Встречается поминание на 3-й, 9-й день, а также через 6 месяцев после погребения. В работах 70–80-х гг. личные поминальные дни практически не описываются. Иногда встречаются случаи нарушения общественного порядка во время посещения кладбища. Традиция оставлять бутылки и рюмки на могилах, а также выпивать на кладбище в момент поминания осуждается: «... вспомнить умерших добрым словом можно и за чашкой чая, кофе, хлебного кваса» [11, с. 254, 275].

Дни поминовения умерших, не привязанные к конкретной дате, проводились как в городской среде, так и в деревенской местности. Время их проведения зависело от местной традиции поминания [11, с. 107]. В исследованиях 70-х гг. описываются попытки создания советских дней памяти, которыми можно было бы заменить народные праздники: Радуницу, Сёмуху, Дзяды и т. д. Новые поминальные дни проводились под руководством комиссии, которую возглавляли местные депутаты, руководители предприятий, образовательных или административных учреждений. Члены комиссии собирали информацию об умерших, организовывали субботники, во время которых убирали территорию кладбищ, закупали поминальные атрибуты. Церемония проходила по заранее подготовленной программе [11, с. 273].

На территории Минской области, в том числе и в Минске, День памяти с 1968-го года отмечался 8 мая. В этот день в честь участников войны открываются новые памятники и парки, жители города убирают кладбища, участвуют в шествиях к местам захоронений, возлагают цветы на могилы, организуют походы по местам боевой и трудовой славы. Возложения цветов и почетные караулы могут происходить и в иные праздничные дни: 23 февраля, 3 июля [11, с. 272]. Более того, памятники, посвященные участникам Второй мировой войны, становятся одними из самых посещаемых мест в городе. К ним приходят в наиболее значимые для советского человека моменты жизни: посвящения в комсомольцы, окончания школы, проводов в армию, свадебных церемоний. Мемориалы

описываются как важнейшие места памяти и наделяются статусом «народных святынь» [11, с. 9; 14, с. 8].

Таким образом, исследования похоронно-поминальной обрядности городского населения БССР 70–80-х гг. не являлись приоритетным направлением для этнографов указанного периода. Тем не менее, по имеющимся данным можно отследить изменения, которые происходили в поминальной и похоронной сферах в позднесоветское время. Распространение обряда гражданских похорон происходило параллельно с увеличением количества ритуальных бюро. Отдельные элементы традиционных вариантов обрядов, которые определялись как нерелигиозные, совмещались с советской обрядностью. В некоторых случаях, как с Днями памяти, создавался новый вариант праздника, который в то же время зависел от локальных традиций [11, с. 107].

Библиографические ссылки

1. 8-е сакавіка: матэрыялы для правядзення Міжнароднага жаночага камуністычнага дня ў БССР у 1928 г. / Адзел ЦК КП(б)Б па рабоце сярод работніц і сялянак. Менск [Мінск]: выданне Аддзела работніц і сялянак ЦК КП(б)Б, 1928. 27 с.
2. Першае Мая на Беларусі / С. Баркоўскі. Менск [Мінск]: выданне Галоўпалітасветы БССР, 1927. 57 с.
3. Навагодняя ёлка: зборнік песен, вершаў, аповяданняў, гульняў: на беларускай і рускай мовах / склаў Г. Э. Клебанаў. – Менск [Мінск]: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, Дзіцячая літаратура, 1937. 142 с.
4. Современные гражданские обряды и традиции / А. А. Мелешко. Мн.: Полымя, 1985. 140 с.
5. Мялешка А. А. Савецкая сямейная абраднасць Беларусі Мінск: Вышэйшая школа, 1976. 237 с.
6. Иванов В. М. Современный быт рабочих города Минска: (историко-этнографическое исследование на материалах железнодорожного узла, завода «Большевик», завода имени Октябрьской революции, радиозавода и тракторного завода): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 07 / Акад. наук УССР, Ин-т. искусств., фольк. и этногр. Киев, 1961. 23 с.
7. Мелешко А. А. Современная советская семейная обрядность белорусского народа: (историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 07 / Акад. наук БССР, Ин-т. искусств., этногр. и фольк. Минск, 1971. 29 с.
8. Браим Н. Н. Из опыта разработки и распространения новой обрядности в Белорусской ССР // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР: сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост.: И. А. Крывелев, Д. М. Коган. М.: Наука, 1981. С. 71–82.
9. Бондарчик В. К. Обряд похорон // Праздники и обряды в Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск: Наука и техника, 1988. С. 249–255.

10. Мясешка А. А. Апошні шлях чалавека // Савецкая сямейная абраднасць Беларусі. Мінск., 1976. С. 194–215.
11. Праздники и обряды в Белорусской ССР / Академия наук Белорусской ССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск: Наука и техника, 1988. 301 с.
12. Республиканский семинар по социалистической обрядности: (обзор материалов) / ред. Ю. Цыбин. Минск: Госбиблиотека БССР, 1985. 17 с.
13. Касперович Г. И., Стружецкий Т. И. Социалистическая обрядность: пропаганда, внедрение: (материал в помощь лектору) Минск: Правление общества «Знание», 1987. 24 с.
14. Методические рекомендации по проведению торжественно-траурной церемонии «Дня памяти» / Респ. мемтод. каб. М-ва культуры БССР и др. Минск, 1976. 16 с.